

Б. Ф. Колымагин

Будущее детища Гутенберга: размышления о книге А. П. Люсого «Поэтика предвосхищения»

Аннотация: статья представляет собой авторские размышления по поводу монографии А. П. Люсого «Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму культурологии: теоретическая комедия» (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011). Высоко оценивая эту культурологическую работу, автор статьи пытается понять ее значение для современной культуры, для актуализации книги как источника образов, а не только знания. Монография Люсого анализируется в контексте появления электронных изданий, книг-инсталляций, дизайнерских книг.

Ключевые слова: культурология, культура, литература, медиалогия, книгоиздательство, поэтика, критика, «культурные гнезда», теоретическая комедия, постмодернистский карнавал.

Известный культуролог и литературовед А. П. Люсый предлагает заинтересованному читателю очередной увесистый фолиант. На этот раз под одной обложкой собраны критические заметки и наблюдения, посвященные литературе. Люсовский том можно рассматривать как своеобразный инвентаризационный список прочитанных и отрефлексированных автором художественных произведений — от классики до наших дней. Этот список внимательно им просмотрен, тексты по-новому скомпонованы, по-новому дается их связь друг с другом. Работа состоит из нескольких предисловий («прийди, словия» и предисловия как такового), заключения («предписания») и четырех основных разделов. Перечислим их: «Литературный небоскреб», «Взаимодействие с классикой», «Упаковки смыслов», «Из историографической прозы».

Автор, по мере сил и возможностей, стремится найти связь между литературными явлениями разных уровней и масштабов. Напоминает, что настоящее произведение культуры живет в двух временах: «малом» (сегодня) и «большом» (всегда). Предметом его анализа становятся не только знаковые произведения или творения классиков, но и то, что называют текущей литературой. В его поле зрения попадают произведения второго ряда, которые в комплексе своем составляют своеобразные «культурные гнезда», отражающие специфику исторической эпохи во всем ее спектре. По текстам Люсого можно писать работы по специфике литературного процесса в последние два десятилетия, столько здесь собрано всякого «литературного сора», из которого, оказывается, растут не только стихи, но и масштабные исследования.

Впрочем, в «Прийди, словии» автор выступает против инвентаризационного восприятия своего детища. «Это не энциклопедия, а теоретическая комедия», — настаивает он. И замечает, что теоретическая комедия пришла на смену комедиям Божественной и Человеческой. Такой вот замах! Но этот замах — именно жест, которых в книге немало. В

ней немало шуток-неологизмов, шпилек в отношении собратьев по литературному цеху, ернических комментариев на текущий политический момент, комедийных обыгрываний научных дискуссий. Порой создается впечатление, что Люсый сознательно погружает читателя в постмодернистский карнавал, дает ему почувствовать специфику литературного процесса, его блеск и ничтожность. Это ощущение близости шутовского хоровода возникает у читателя и благодаря настойчивому стремлению автора представить особенность литературы последних десятилетий в связке с литературной жизнью. Разница между собственно «литературой» и «литературной жизнью» примерно такая же, как разница между любовью и половой жизнью (по крайней мере, автор настаивает именно на таком сравнении).

Связкой литературы с литературной жизнью служит и посвящение: «Литературным фуршетам “нулевых” посвящается». Это серьезно. Ведь автор — сам председатель Академии Фуршетов, которую учредил в середине 1990-х гг. филолог С. Дмитренко. Некоторые тексты Люсого родились из фуршетной стихии и имеют вполне отчетливый застольный тренд, чем-то напоминая длинные грузинские тосты (заметка «Крепкое и терпкое», например).

В то же время карнавальная стихия уравновешивается в книге обильным цитированием серьезных авторов — философов, культурологов, классиков литературы, а также научными спорами (самая известная концепция автора связана с Крымским текстом в русской литературе, но ее он затрагивает лишь вскользь). Люсый не ограничивается только рефлексией литературных произведений и анализирует труды по философии, культурологии, психологии. В целом эти тексты также гасят карнавальную стихию, создают ей определенные границы.

Таким образом, в книге соседствуют скоморошество и основательность, временное и вечное, новизна и архаика. Более того, сама книга представляет продукт, который в каком-то смысле характеризует теку-

щую культурную ситуацию. Она, как вещественный памятник, соответствует своему содержанию, роднится с ним не только в образах, но и в весе, в обманчивой плотности страниц. Настойчивое усилие А. Люсого собрать из разрозненных очерков и эссе нечто целое обнаруживает в нем любовь к созданию И. Гутенберга как таковому. Огромный, тяжелый том (твердая обложка! 570 страниц!) зеленого цвета несомненно греет душу автора и в то же время показывает нам человека, воспитанного в советском космосе.

В советском мире книга была несомненной ценностью. Не случайно Д. С. Лихачев не уставал повторять, что нужно собирать библиотеки: не прочтете вы, прочтут ваши дети. А в «лихие девяностые» дети вынесли эти библиотеки на свалку. И все потому, что изменилось отношение к книге. Новые поколения, как заметил в одной из статей М. Новиков, стали относиться к бумажным изданиям иначе, чем их предшественники. Не как к носителям сакрального или тайного (антитоталитарного, например) знания, не как к капиталу (теперь место, занимаемое шкафом в вашей квартире, ценится дороже, чем все книги, умещающиеся в шкафу), а с патрицианским пренебрежением одной девушки. Она подошла к созданию Гутенберга радикальным образом: читала книгу в ванне и отрывала прочитанные листы, чтобы книгу легче было держать. А Люсого невозможно представить лежащим в ванне и отрывающим страницу за страницей не то что своего детища, а даже П. Дашковой. Если образ Люсого, рвущего книгу, появится в Интернете, это будет очевидный розыгрыш. И в то же время содержание его основательного труда направлено на появление такой девушки. Во всяком случае, Люсый-автор ближе этой рафинированной читательнице, чем какому-нибудь кабинетному ученому-литературоведу.

Само построение книги стремится к игре и визуализации. По внутреннему наполнению она очень легкая, если не сказать пустая. И эта виртуальная пустота — тоже тенденция времени. В последние два десятилетия появилось несколько новых категорий изданий, с которыми книга Люсого непосредственно коррелирует. Одна из них — книги интерьерные, для чтения не то чтобы не предназначенные, но на него не рассчитанные. Как отмечает упомянутый М. Новиков, того, кто украсит ими свой интерьер, сложно представить за чтением столь экзотической литературы. Другие книги — дизайнерские. В них автор выступает скорее как режиссер, чем как писатель. Такая книга становится источником не знаний, а образов, не информации, а некоторого набора представлений.

Многостраничный труд Люсого легко вписывается в обе упомянутые категории. Этот труд легко представить на полке какого-нибудь банкира, который никогда не возьмет его в руки, но будет любоваться приятно

ласкающим глаз корешком. В то же время книга нашего автора стараниями известного художника книги Е. Герчук выполнена в абсолютно дизайнерской манере. И броские заголовки и подзаголовки автора решают если не все, то почти все. Для увеличения их числа небольшие по объему тексты дробятся. Подзаголовки растягиваются в масштабные предложения. Автор играет с заглавными и прописными буквами, с синтаксисом. Все эти «ЛАОКООНАГРАДЫ», «СЕКСУАЛЬНЫЙ ЧЕРНОЗЕМ», «УТОПИЯ КАК СТОП-ДИАЛЕКТИКА» и прочие изыски содержания присутствуют в работе как визуальные объекты, как шутки, скрывающие пустоту словесной игры и тем придающие книге некую новую качественную характеристику. Культуролог-исследователь выбирает литературные и окололитературные объекты, способные удивить читателя. В области культурологии он работает как художник-инсталляционист.

Люсый создал обширный литературоцентричный текст. Но этот текст свидетельствует о том, что людям стало тяжело читать, что порог усилий, необходимый для чтения, все снижается. Собственно, и наша книжка тоже для сквозного чтения не сильно предназначена. Ее можно полистать, остановиться на интересных фрагментах, выхватить взглядом отдельные словечки, названия рецензируемых изданий, имен. Но в целом она рассчитана именно на просматривание. «Поэтика предвосхищений» как бы предвосхищает будущую книгу. Ее буду именно листать, именно заглядывать в нее. И это оптимистический сценарий. Потому что по другому, более пессимистичному, сценарию книги как объекта материальной культуры уже не будет. Она вся перетечет в виртуальность. «Поэтика предвосхищений» своей фактурой, косвенными характеристиками помещенных под одной обложкой текстов говорит о такой возможности.

Но сначала скажем несколько слов о сценариях виртуализации книжного дела. Рынок электронных книг в России сегодня мал и оценивается примерно в 4 млн. у.е. Но специалисты ожидают его быстрое развитие. Тенденция видна невооруженным глазом. Достаточно войти во всероссийскую избу-читальню — метрополитен. Все чаще здесь можно встретить людей со специальными устройствами для чтения, ридерами. Удобно, как ни крути. Тысячи наименований в маленькой штучке: хочешь, читай детектив, хочешь — фэнтези, хочешь — нон-фикшн. Другое дело, что с этой штучкой на пляж, например, не пойдешь: неудобно, бликует. Да и работают устройства ненадежно. Правда, это вопрос решаемый, если экономика будет развиваться, если у людей окажутся лишние деньги на электронные игрушки.

Проблемы электронного книжного бизнеса активно обсуждаются в последнее время на всевозможных ярмарках и конференциях. Так, в ноябре

2011 г. в Москве Международный книжный форум, организованный группой компаний ITE, обозначил наиболее острые вопросы.

К ним относится, например, трансформация издательского продукта. Это только на первый взгляд кажется, что чтение с экрана похоже на чтение с листа бумаги. Как заметил представитель «АСТ-ПРЕСС», руководитель программы «Словари XXI века» К. Дервянко, меняется сам тип информации. Текст дополняется гиперссылками, видео- и аудио- рядами, появляется интерактив. Редакторы электронных словарей, по его мнению, превращаются в контент-менеджеров. В ближайшее время с результатами их работы можно будет познакомиться на портале «Грамота.Ру»: именно здесь в бесплатном доступе будут выложены словари издательства. Затем словари на разных порталах будут увязаны между собой, возникнет «Русская языковая сеть».

С Дервянко согласился главный редактор «Альпина Паблишер» А. Ильин: электронные издания действительно становятся режиссерскими. Обложку заменяет видео-клип, появляется 3D-формат, книга может не только говорить, но и задавать вопросы (сразу вспоминается «Ежедневный пророк» в «Гарри Поттере»). У редакторов и издателей в скором времени появится штат программистов. Уже сейчас «Альпина Паблишер» вкладывает деньги в освоение нового рынка, причем издательство не ориентировано на немедленное возвращение вложенных средств («мы платим за обретение компетенции в новом деле»). «Альпина Паблишер» продает в месяц 80 000 бумажных книг и только 1200 электронных, но надеется через какое-то время получать серьезные доходы с последних.

По мнению экспертов, через два года электронный рынок составит 15 % от общего книжного. Но уже сейчас перед его игроками стоят проблемы монетизации цифрового контента. Председатель совета директоров консорциума «Контекстум» В. Иванов подробно остановился на одном очень важном на-

правлении работы — сотрудничестве издателей с библиотеками. Вузовские библиотеки сейчас активно покупают электронные книги, но предпочтение отдается, как правило, зарубежным издательствам. Выводы напрашиваются сами собой. На форуме неоднократно звучала мысль, что сейчас издателям важно вернуть вложенные в электронные книги средства. Через пару лет, похоже, острота проблемы снизится. Более того: рынок будет давать существенную прибыль. Но главное не в этом. Электронная книга помогает сохранить интерес к чтению. Таким образом, она сохраняет традицию хранения и передачи памяти. Потому вроде бы пессимистический сценарий не такой уж и пессимистический. Хуже будет, если книга вообще исчезнет со страниц истории.

Полная метафизических тонкостей (как говорил К. Маркс о товаре) бумажная версия книги Люсого вся устремлена к ее электронному аналогу. «Поэтика» как бы предчувствует такое превращение каждой своей главкой, каждым поворотом темы. Все или почти все заметки и рецензии автора в том или ином виде появлялись в электронных СМИ. Каждым своим ходом текст обозначает медийное пространство, медийную пульсацию. Он когда-то жил в виртуальности. И умер. И теперь воскрес вновь по воле автора, но уже на принципиально иных носителях.

Р. Дебре в блистательном «Введении в медиалогию» поставил принципиальный вопрос о передаче (знания, опыта). С коммуникацией сегодня более-менее все понятно. А вот как транслировать некие ценности из поколения в поколение — вопрос. А. Люсый показывает, как возможна эта трансляция, как она может работать здесь и сейчас. Да, в книге много ужимок и странных жестов, которые будущим поколениям, может быть, покажутся уродливыми. Но здесь же, на тех же самых страницах можно встретить мысли многих умных людей, услышать живую речь классиков и, что тоже немаловажно, почувствовать горячую любовь исследователя к литературе.

Список литературы:

1. Люсый А. П. Поэтика предвосхищения: Россия сквозь призму культурологии: теоретическая комедия. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011.
2. Дебре Р. Введение в медиалогию. М.: Праксис, 2010.
3. Новиков М. С. Частное письмо по неизвестному адресу. СПб.: Алетейя, 2005.

References (transliteration):

1. Lyusyuy A. P. «Poetika predvoskhishecheniya: Rossiya skvoz' prizmu kul'turologii: teoreticheskaya komediya». М.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2011.
2. Debre R. «Vvedenie v medialogiyu». М.: Praksis, 2010.
3. Novikov M.S. «Chastnoe pis'mo po neizvestnomu adresu. SPb.: Aleteyya, 2005.